Вера Маркова

ЖИЗНЬ И СУДЬБА на стыке веков

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СЫНУ МАКСИМУ

Самый дорогой человек для меня на свете — ты, мой сын! Я знаю, что ты не любишь громких слов, но эта книга и писалась для тебя и посвящается тебе, родной. Это всё, что я могу оставить после себя в земной жизни. Непросто матерям откровенно разговаривать со взрослыми детьми: у вас свои сложные проблемы, а изменение условий жизни каждой из эпох разделяют поколения, отдаляют наших детей от родителей. Я тоже отношусь к уходящему поколению, нравственные ценности и идеалы которого кажутся молодёжи уже не такими нужными для их жизни.
В «Одноклассниках» был задан вопрос как раз тем, кто родился и рос на стыке веков: «Чем вы сейчас пользуетесь из того, что приобрели во времена Советов?» Самый точный ответ был — «МОЗГАМИ!» Но я всегда считала и считаю, что моё поколение ещё всегда пользовалось и до своего последнего вздоха пользуется главным — силой своей души, ставя духовное выше материального. Мир глубже, чем кажется, а человеческие отношения требуют большой затраты душевных сил, любви и доброты.

Судьба многих людей моего поколения пятидесятых годов XX века была нелёгкой: мы родились в первые послевоенные годы, когда голод и разруха были обычными для всех. Но было также

и другое светлое чувство: острое ощущение счастья, что война закончилась, что впереди мирная жизнь, просто надо много работать, сеять хлеб и строить дом для своих детей, как делал это и мой отец — участник Великой Отечественной войны. И сегодня остаются ещё люди моего поколения (1940–1950 годов рождения), их простая и трудная жизнь очень мало показана в современной литературе, а из фильмов самым честным и талантливым, я бы назвала телефильм Бориса Хлебникова «Отчим», режиссёра Сергея Гинзбурга. Это фильм о любви, всеобъемлющей и искренней, с русской душой и характерами героев, которые проживают свою жизнь, ошибаясь и страдая, но всегда остаются людьми. Именно об этом и в стихах Андрея Дементьева я нахожу ответ, почему так важна нам в России связь поколений, сохранение семейных ценностей, гордость за историю нашего государства. Жизнь и судьба моей главной героини также в жизни и судьбе тех, среди которых она росла, трудилась, училась у людей и, конечно, у Бога: «молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить» (из молитвы Оптинских старцев.).

Не замечаем, как уходят годы.
Спохватимся, когда они пройдут.
И все свои ошибки и невзгоды
Выносим мы на запоздалый суд.

И говорим: «Когда б не то да это,
Иначе жизнь мы прожили б свою…»
Но призывает совесть нас к ответу
В начале жизни, а не на краю.

Живите так, как будто наступает
Тот самый главный, самый строгий суд.
Живите, — словно дарите на память
Вы жизнь свою тем, что потом придут.

Стихотворение А. Дементьева, 1974 г.

Теперь, когда мы научились летать по воздуху, как птицы, плавать под водой, как рыбы, нам не хватает только одного: научиться жить на земле как люди и не убивать друг друга в бесконечных войнах. Долго ли сможет и захочет ли Бог «…дождём от крови землю чистить»? Подлость и предательство намертво разрушают душу человеку, а без души — он уже не человек, а тварь, нелюдь. Нет человечности без преодоления подлости, и нет подлости без преодоления человечности. Каждый раз выбор за нами, и ответственность за выбор тоже. Имей сердце, имей душу и будешь человеком во всякое время. Одна капля человечности драгоценнее всех правил мира.

К. Паустовский горько заметил в своих «Блистающих облаках»: «Люди вообще стыдятся хороших вещей, например человечности, любви, своих слёз, тоски, всего, что не носит серого цвета».

Семья — это маленькое государство в большом Отечестве, имя которому Россия. Будем со всей ответственностью строить и беречь свою семью — сбережём и матушку Россию под священным покровом Богородицы. И это главное, для чего рождаемся и живём, с Божьей милостью передавая это главное из поколения в поколение. Россияне — великая нация с великой историей и с Великой Победой в страшной войне 1941–1945 гг. Специальная военная операция в борьбе со всеми странами НАТО с 2022 года, наш Великий Президент Владимир Владимирович Путин, истинные герои — защитники Отечества — это тоже история великой российской нации. И об этом должна сегодня заговорить и писать настоящая современная литература, корни которой живут в русской классической литературе, в романах Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. М. Горького, А. С. Пушкина и многих других истинных классиков литературы XIX–XX веков.

Сила в правде — это утверждение особенно актуально на стыке веков, когда разламывается как будто и само время. Одни ценности заменяются другими, рвутся сердца и души простых людей, таких как я и вы, мои дорогие читатели! Тогда мы и черпаем свои силы в родовом гнезде, в жизни и стойкости своих предков, в традициях и семейных ценностях нашей страны, Великой России.

ГЛАВА 1. ВОЛКИ И ПАПА

Это был промозглый вечер в начале марта 1952 года. Девчушка, закутанная в пуховой платок, держалась за мамин подол и с трудом успевала за её торопливыми шагами. Подол был мокрым и скользким от подтаявшего снега. Под ногами снег и лёд, руки в варежках озябли. Шестилетняя девочка тихо плакала от усталости, но она терпела, увидев, как мать с трудом несёт на руках трёхлетнего братишку и упрямо идёт по еле заметной дороге к уже близким огням города. Она знала, что они шли к папе, они должны были успеть увидеть его до того, как отца надолго увезут в другой большой город. Так сказала мама, и её лицо скривилось, как от боли, пересохшие, обветренные губы были шершавыми, когда она поцеловала дочь и опять заплакала. Она в последнее время часто плакала, особенно по ночам. Дома с двумя семимесячными близняшками оставалась бабушка. Провожая их, она тоже вытирала концом платка глаза, качая люльку, и в который раз просила не идти пешком за три километра в Игнатовку в такой холод и метель с детьми на руках. «А без них не пустят», — поджав губы, безнадёжно, едва сдерживая слёзы, сказала мама. Бабушка погладила Веруньку по голове, поверх вязаной шапочки, крепко перетянутой старой пуховой шалью, завязанной на спине крепким узлом, и перекрестила их.

Они долго уже идут, быстро стемнело, хотя рядом бело от свежего снега, который наметает пока ещё слабая метель. Вдруг мать резко остановилась, девочка чуть не упала, споткнувшись. «Неужто волки! Всё, не успеем», — хрипло прошептала она, а от черневшей вдалеке лесной полосы двигались к ним какие-то странные тени. Скрип саней сзади на дороге, и прокуренный мужской голос заорал: «Давай в сани, кидай детей, куда тебя несёт, дурёха! Да ещё и с дитями на руках, какая нужда тебя гонит? Не слыхала разве, что волчья стая прибилась в здешние места: оголодавшие, злые и наглые, прямо к посёлку подходили. У крайней избы хозяин стрельнул, на время отогнал». Лошадь неслась по подтаявшему на дороге снегу, овчина, которой мужик прикрыл озябшую девочку, сильно пахла потом, табаком, сани немного трясло, и она незаметно уснула под тихий рассказ и плач матери, какая нужда гонит её в город. Сама не понимая своей откровенности, мать, не стыдясь и не опасаясь, что этот чужой человек не поймёт её боли и страха, рассказала ему, как ночью к дому подъехала чёрная машина и как у них делали обыск. Единственной ценной вещью в семье была ручная швейная машинка, которую они спрятали в подполе, но и её нашли и забрали. За неделю до ареста магазин, где работал муж заведующим, подломали, украли немного — особо и красть-то было нечего в небольшом сельмаге, но лезли целенаправленно за вожжами, к счастью, их осталось всего пять пар. При аресте и обыске главный орал на мужа, что он враг народа, сам украл вожжи, чтобы сорвать

посевную и оставить страну без хлеба, именно так и было написано в том доносе. Бабушка Маша, словно закаменев, согнувшись, как от удара, и низко опустив седую голову на грудь, сидела на сундуке и машинально покачивала люльку с внучками-двойняшками. И мысленно, в который уже раз, разговаривала с давно умершим мужем: «Вот, Павлуша, в тот страшный голодомор ты приказывал выкидывать на снег и мороз матерей с детьми из раскулаченных семей, а теперь твою дочь и внуков обрекают на голодную смерть такие же идейные борцы за идеалы революции, каким был и ты. Может, это и есть высшая справедливость, высший Божий суд, когда за грехи дедов и отцов будут всегда отвечать их дети и внуки?» Она не знала ответа на этот вопрос, но у неё было большое и доброе материнское сердце русской женщины, и в этом была её правда и понимание ценности жизни.

Очнулась Верунька на руках спасшего их от волков мужика в какой-то комнате с решётками на окнах. Было шумно и накурено, мать опять плакала и о чём-то просила военного в форме. Проснулся братишка и заорал во весь голос. Военный отрицательно качал головой, устало и как-то безнадёжно повторял: «Не положено. Пойми ты, не могу я, не положено». Мать заплакала навзрыд и вдруг сползла с табуретки, упав на колени. Военный был молодой и красивый, девочка подошла к нему, обняла его руку в форменном рукаве и прижалась головёнкой к плечу. Ей было очень жалко маму

и плачущего брата. «Да будь ты человеком, я их, можно сказать, у волков вырвал, дай им с отцом попрощаться, у него полгода назад ещё двойня родилась», — поднимая мать с колен, попросил и мужик, которому мать по дороге многое успела рассказать. Военный молча встал и вышел. И девочка увидела отца через прутья железной решётки, его руки гладили мамино лицо и волосы, потом он прижал к холодным прутьям дочь и ласково вытер пальцами её мокрые от слёз щёки. Свидание было недолгим, офицер нервничал, поглядывал опасливо на чёрный ящик телефона на столе: «Уходите быстрее, в любую минуту за арестованными могут приехать, подведёте и меня под статью».

Когда они вышли на улицу после свидания с отцом, было уже темно. У матери совсем не осталось сил, она вдруг почти со стоном села на грязные ступеньки и заплакала навзрыд, словно выталкивая из себя мучительное отчаяние и нестерпимую боль. Девочка кинулась к матери, уткнулась лицом в её мокрый подол и тихо заплакала, будто заскулил жалобно брошенный хозяином щенок. Дядя Степан (Вера уже знала его имя) с братом на руках подошёл к привязанной у столба лошади, потоптался около саней и, словно что-то решив для себя, негромко позвал: «Завтра поутру отвезу вас домой, а счас в сани быстро, хватит тут мокроту разводить, ко мне домой поедем, я тут неподалёку у фабрики живу».

За свою долгую и трудную жизнь Вера Павловна сделала для себя главный вывод: вокруг любой беды русские люди умеют сплотиться, русский человек — это душа Земли, это генофонд добра, разума, миролюбия и силы духа. Бессмертны слова Ф. М. Достоевского, что мир содрогнётся, когда русские вспомнят своих богов. Конечно, маленькая, напуганная волками и засыпавшая на ходу девочка не могла так думать. Она просто верно поняла своим маленьким чутким сердечком, что дядя Степан добрый, он их не бросает ночью одних, уставших и голодных, на тёмной улице, а привезёт к себе домой. Надо, чтобы наши дети каждый день получали такие уроки добра. А как это сделать, надо думать нам, взрослым.

ГЛАВА 2. БЕЗ ОТЦА

Верунька смутно помнила, как они выживали в тот страшный год без отца. Но одна картина чётко отпечаталась в её детской памяти. Холодный зимний вечер. Она рядом с мамой сидит на пороге приоткрытой двери, укутанная в шаль и одеяло. На маминых руках два кулька с близняшками, на коленях приткнулся братишка. А над головой из избы клубами выходит едкий дым. Избу им выделили в другой деревне как семье врага народа, печка топилась плохо, дым через трубу не выходил. Маму поспешили уволить из школы, тоже как жену врага народа, и, если бы не простые люди в этой деревне, приносившие картошку, хлеб и даже молоко, семья бы не выжила. В памяти девочки навсегда остались смутные воспоминания о холодных вечерах, когда за окном серой и враждебной мглой, затяжным дождём, а иногда и снежной крупой подползала темнота. Заглядывала в щелястые окна избы, заполняла сыростью и ознобом их постель. Чтобы прогнать этот злой и беспощадный мрак, нужно было зажечь лампу на столе, но керосина у них не было. И только тёплые мамины руки, которыми она старалась обнять и прижать к себе сразу четверых своих детей, были надёжной защитой от этого мрака и постоянного чувства холода и голода.

Обижали Веру и деревенские ребятишки, обзывали «врагиней», но она не сдавалась и дралась отчаянно, из последних силёнок, когда пытались толкнуть или ударить. Пересиливая страх, она каждый день приходила к дороге, по которой возил жмых из подсолнечника инвалид, одна нога которого была деревянной. Голодной стаей бежала ребятня за телегой с брикетами жмыха, и когда тот как будто случайно падал с телеги на пыльную дорогу, делили его между собой, а «врагине» ничего не доставалась.

Особенно её старался обидеть Колька-недомерок. Среди мальчишек он выделялся маленьким росточком и особой злостью. Всё время лез в драку, ругался матом и обзывался, словно мстил ей за то, что она такая высокая, одетая в чистенькое платьице, и никогда в драке не просит у него пощады. Но вскоре появился у неё защитник, и случилось чудо: она стояла в сторонке от мальчишек и молча размазывала слёзы на грязных от пыли щеках. Деревянной ногой мужик столкнул в её сторону целый брикет жмыха, а ребятне сердито прокричал: «Кто отнимет, получит у меня!» — и угрожающе потряс вожжами в руке. От жмыха болели живот и желудок, но это всё равно было спасение от постоянного ощущения голода. Она бежала домой, не чуя себя от счастья, представляла, как обрадуется мама, как сварит вкусный суп с картошкой и крапивой, которой в огороде было очень много.

Они выжили, не сломались и не озлобились. Дед Ефрем переложил в казённой избе печку, она больше не дымила и держала тепло даже в самый суровый холод и метель. К матери с поклоном приходили иногда соседи и просили учительницу позаниматься с их «охламонами». Мать никогда не отказывалась, отвечая на добро добром. Веруньку никто больше не обижал, трое «охламонов», которые каждый день прибегали к матери на уроки, защитили её и от Кольки-недомерка… К счастью для их семьи, это был 1953 год, когда несколько ослаб накал репрессий. И отца спасло то, что его дело рассмотрели по уголовной статье за кражу вожжей, а не по политической. Он попал под амнистию и летом 1953 года вернулся домой. Дядя Степан стал другом отца, когда тот вернулся из тюрьмы, помогая строить дом отцу. Они частенько, выпив «с устатку» стакан крепкой самогонки после тяжёлой мужской работы, когда жилы вздувались на их руках, на завалинке их нового дома «говорили за жизнь» и верили в счастливую судьбу своих детей. Мать рассказала Вере, уже взрослой, что отца посадили по доносу, обвинив его в краже вожжей из магазина, где он был заведующим, якобы с целью срыва посевной. Не было для их родни тайной и имя доносчика, им оказался ранее раскулаченный дед учительницы, почти маминой подруги, с которой они вместе работали в школе. Слишком быстро после ареста отца именно он был назначен заведующим магазином — получил «свои тридцать сребреников».

А когда вернулся отец, началась новая счастливая жизнь…

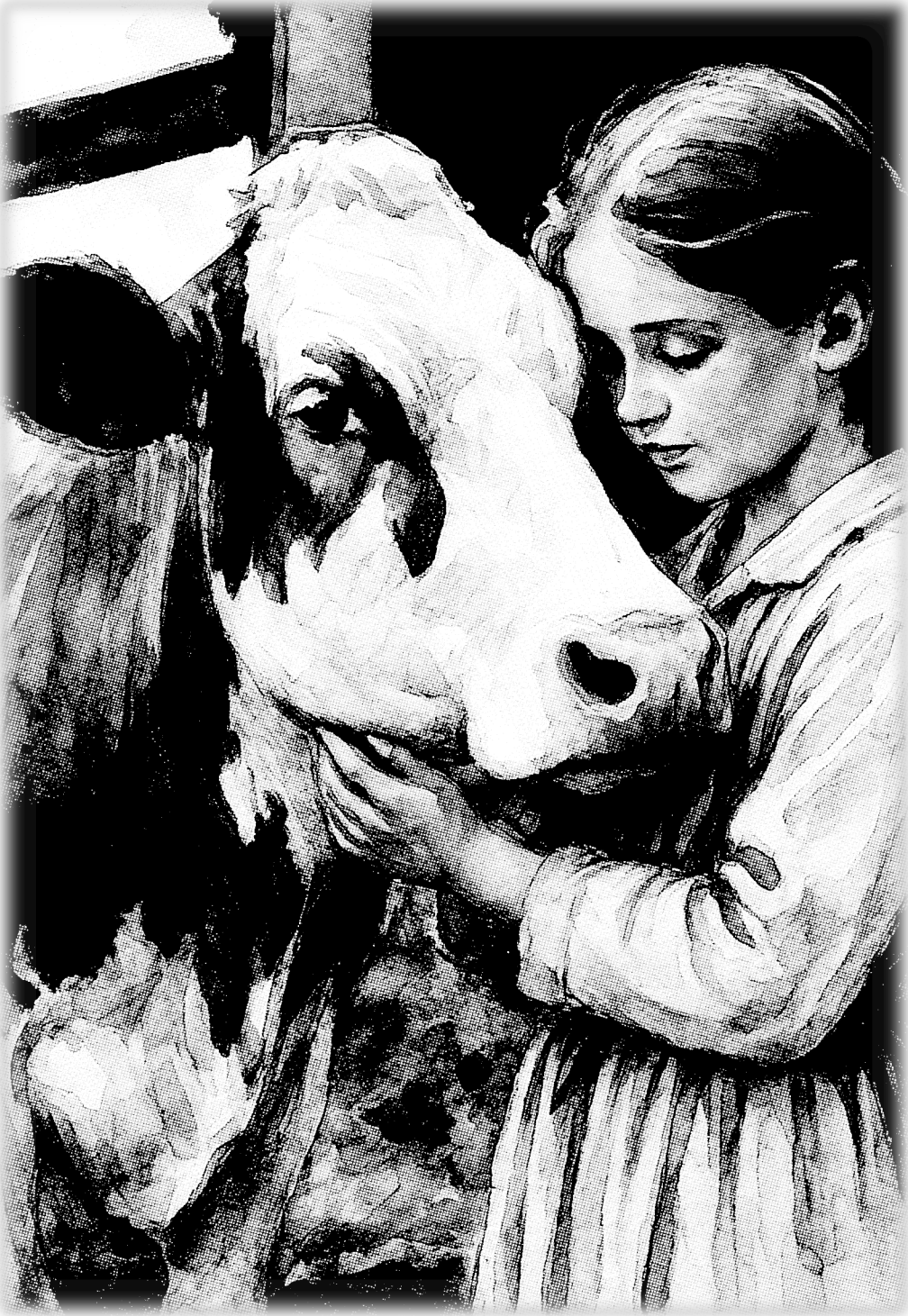
Вере было всегда смешно и непонятно, как он не мог различить двойняшек и часто звал её на помощь:

— Доча, я её умыл только что, а и пяти минут не прошло, она опять чумазая, когда успела?

— Папа, ты умывал Надюшку, а это Любаша!

Вера звонко смеялась, ей было постоянно весело и легко рядом с отцом, таким сильным и красивым. Она ставила подстриженных наголо, одетых в одинаковые платьица, сшитые мамой из занавески с большими подсолнухами, сестрёнок перед отцом и важно объясняла: «Смотри, папа, Надюшка везде залезет, всё суёт в рот и глаза у неё коричневые, как у тебя. А Люба серьёзная, часто обижается и хнычет, у неё глаза серые, как у меня».

Вера прижимала головку сестры к своей и вытаращивала свои серые глазищи, чтобы отцу было легче запомнить. Отец от души хохотал, подхватывал обеих на руки и кружил, бережно обнимая. И это было такое ощущение счастья, что у Веруньки кружилась голова, она вся обмирала и крепко обхватывала своего папку за крепкую и такую надёжную отцовскую шею.

ГЛАВА 3. НОВЫЙ ДОМ И ШКОЛА

Село Городецкое, Майнского района, Ульяновской области считалось по меркам того времени довольно большим и привольно раскинулось среди богатых грибами и ягодами берёзовых и сосновых лесов. Удивительными были меловые горы, у подножия которых било множество чистейших родников с такой ледяной водой, что ломило зубы от каждого глотка.

Вера любила приходить сюда за этой необыкновенной водой, которую дома не кипятили в самоваре, а пили просто так, вживую. Вот и сегодня с утра пораньше она стояла у родника и с изумлением и восторгом разглядывала причудливые рисунки на отвесной стене довольно высокой меловой горы. Она снимала тапочки и всего на минутку наступала ногами в небольшие лужицы с прозрачной водой рядом с родником. От ног по всему телу шло сладостно-острое ощущение сильной внутренней дрожи. Это стало для неё своеобразным ритуалом, словно от ледяной воды не только ноги, но и всё тело наливалось новой силой.

Этому её научила бабушка Надя, папина мама, которая говорила ей, будто сказку сказывала: «Водичка эта, девонька, волшебная, она через всю гору прошла, белым мелом очистилась и словно

чистыми слезами земли-матушки родником пробилась к людям. Кто ей умоется, добрее станет, от зла и зависти избавится и к людям сердцем повернётся». Она набирала в свои маленькие ладони, бережно подставляя их под бьющую из белой скалы струю ледяной воды, и умывала лицо, шепча при этом что-то особенно ей дорогое. Вот отсюда, от этих родников, в 1943 году Верина будущая бабушка, небольшого росточка и худенькая, как подросток, однако родившая уже здоровых и красивых пятерых сыновей и двух дочек, собрала узелок и пошла пешком куда-то под Рязань, в госпиталь, спасать своего тяжело раненного старшего сына, её будущего отца. И ведь дошла, и вернулась вместе с сыном, которого комиссовали по тяжелейшему ранению, и выходила Павлушу, и на ноги поставила, а потом дождалась и первую внучку, Веруньку, от него. Судьба сохранила ей и мужа, деда Ефрема, немногословного высокого богатыря, который после войны своими руками и дом построил, и корову-кормилицу в этот дом привёл.

С глубокой благодарностью Вера часто вспоминала их заботу и скупую ласку. Особенно в её детской памяти сохранилась заготовка сена для коровы, куда дед Ефрем всегда брал с собой старшую внучку. Ей тогда было девять лет, старшая в многодетной семье, где подрастали брат и две сестрёнки, второй класс окончила на одни пятёрки. По-другому было просто нельзя, ведь мама-учительница, её в селе очень уважали. Вере

казалось, что она умела всё! Правда, вот с коровой Жданкой у неё не сразу сложились доверительные отношения, в первую очередь со стороны коровы. Она опасливо косилась своими лиловыми глазами на девочку с большим знакомым ей ведром и предупреждающе сильно махала хвостом. Жданка ранее уже дважды копытом опрокидывала почти полное ведро с молоком, белая молочная масса разливалась по деревянному настилу конюшни, но девчонка опять молча, упрямо сжав губёшки и вытирая слёзы, садилась у коровьего бока, осторожно обмывала тёплой водой из глиняного горшка её вымя и начинала струйка за струйкой вытягивать из сосков молоко. Корове не нравилось, что в её руках не было той силы, с которой доила хозяйка.

Но сегодня всё было по-другому: девочка подошла к ней, прислонилась к тёплой шее, обняв и поглаживая её маленькими ручонками. И Верунька зачем-то начала шептать в чуткое ухо их кормилицы, что мама в больнице и не может подоить её, что без молока они будут целый день голодные, что не надо больше бить ногой по ведру и проливать молоко… И ещё что-то совсем уж невразумительное: как ей страшно дома без мамы, как она боится коровы, как сильно устают и болят её руки после дойки. А перед её глазами опять вставала страшная картина: потерявшую сознание мать на руках из спальни выносят отец и бабушка. На полу остаются капли крови. У крыльца стоит подвода, на сено бабушка

расстилает клеёнку и какие-то одеяла, отец кладёт голову мамы к себе на колени, а сосед вожжами стегает лошадь, заставляя её бежать быстрее. И пятый ребёнок не родился, и мама чудом выжила. Что поняла, а что не поняла корова из этого сбивчивого шёпота девочки, сказать сложно, но только больше не было опрокинутых вёдер с молоком, а корова будто сама поворачивалась боком к маленькой хозяйке во время очередной дойки, доверчиво тянулась влажными мягкими губами к Вериным рукам с кусочком хлеба.

ГЛАВА 4. АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Чего в детстве Веры было вдоволь, так это работы по дому и хозяйству. Мама уходила в школу за полтора километра с сумкой, набитой тетрадями и книгами рано утром. А дом оставался на Вере, и трое младших тоже. Но в эти трудные послевоенные годы дети рано взрослели, поэтому дать корм домашней скотине и курам, вымыть полы, наносить из речки воды, прополоть огород и накормить ребятню было для неё хотя и трудным, но привычным делом. Дед Ефрем понимал, что Верунька и сама ещё ребёнок, наверное, жалел и раз пять за лето брал её с собой в лес за сеном. Это был праздник, который начинался сразу же, как они въезжали в лес! Волшебной казалась даже лесная дорога, по обочинам которой цвело и пахло всё, что там росло! И высокое ярко-синее небо с узорами облаков над вершинами деревьев — всё это было удивительной сказкой, которую Вера сама додумывала и сочиняла. Когда они приезжали на лесную поляну со скошенным ранее сеном, так вкусно и волшебно пахнувшим, дед Ефрем широко разводил руки в стороны, словно здоровался с лесом и этой поляной.

Он по-хозяйски оглядывал подсыхающие валки травы и всегда говорил: «Красота-то какая, благодать Божья!» Потом подавал ей специально сделанные им

маленькие грабли, и девочка бережно переворачивала ими валки духмяной травы. Может быть, именно там, на этой поляне, в её чистую детскую душу навсегда и вошла эта неиссякаемая любовь к природе и родному краю, России-матушке и Богу. И первые уроки истинной доброты она получила тоже там. Когда ближе к вечеру дедушка накладывал аккуратный возок свежего сена, подвязывал и закреплял его, то на самом верху обязательно налаживал внучке удобную лежанку, зная, что, умаявшись, она в дороге уснёт. А потом откуда ни возьмись в руке деда оказывался внушительный букетик крупной земляники или клубники, который он ей с чуть заметной улыбкой подавал. Когда и где он успевал его собрать, для неё было загадкой, как и его слова: «Умница, ангел мой», словно призывая ангела-хранителя всегда оберегать его любимую внучку. И ангел-хранитель, наверное, и вправду услышал дедушку и не раз приходил к ней на помощь.

В детстве и отрочестве Веры были ситуации, когда и смерть, можно сказать, смотрела ей в глаза. Один из таких случаев навсегда стал её тайной, о которой не знали ни мама, ни отец. Одной из её обязанностей по дому было наносить воды из речки — ни колонок, ни колодцев в деревне не было. Летом ей очень нравилось это делать, она брала коромысло и два ведра, специально для неё поменьше размером, и спускалась к близкой речке. Вода была очень чистой, берег зарос молодыми лопушками и муравой,

сохранив кое-где песчаные проплешины. Рядом через речку был построен мост, по которому иногда проезжали грузовики и шли подводы на Игнатовку и Майну. Можно было быстренько искупаться, даже иногда переплыть на другой берег, в свои 12 лет она отлично плавала и очень любила воду. Зимой же было значительно труднее и опаснее брать воду из проруби, которую вырубали мужики, делая ступеньки во льду. Поэтому за водой ходили зимой родители, даже если это и было уже поздним вечером, а ей строго запретили. Но в этот день дома воды не оказалось совсем, даже чтобы поставить самовар к приходу мамы. На улице сильно подмораживало, она представила, как замёрзшая и уставшая мать придёт домой, и ей надо будет сразу же идти к реке за водой. Вера очень любила свою маму, видела, как она надрывается по хозяйству и на работе, и каждое её доброе слово и скупая ласка окрыляли её. Быстро одевшись в папину фуфайку и перепоясавшись тёплой шалью, она взяла ведра и побежала к речке. Было ветрено и скользко, а у проруби все ступеньки занесло снегом. Вера осторожно спустилась по ним, встала на коленки и зачерпнула неполное ведро воды. Поставила подальше от края проруби и опустила в прорубь второе, решив наполнить побольше.

Но полное ведро оказалось непосильным для детских рук и в секунду утянуло её в прорубь. Сколько она барахталась, пытаясь удержаться за скользкие и мокрые края проруби, сказать сложно. Спасибо

старой папиной фуфайке, которая надулась колом и не дала течению сразу затянуть девочку под лёд. Видимо, Господь дал Вере при рождении надёжного ангела-хранителя, который всегда был рядом с ней. И в этот момент, когда она поняла, что сил больше не осталось держаться, кто-то ухватил её за узел шали и сильным рывком вытащил на лёд. Это был шофер с проезжавшей по мосту машины, увидевший, как тонет девчонка. Сначала он заорал на неё и даже выругался матом, но потом ухватил за руку и потащил по тропинке к близкому дому. Увидев, что Вера схватилась за дужку второго ведра с водой, серьёзно посмотрел на девочку, взял ведро и донёс до крыльца их дома. Она не запомнила его лица, только долго помнила полинялую гимнастёрку да стёганку военного покроя, а ещё теплоту мужской крепкой руки, в которой отогрелась её ледяная и израненная об острые края проруби ладошка. Чтобы мама не догадалась, она сняла всю мокрую одежду и разложила на печке.

Слава нашим русским печкам, они долго хранят тепло, Вера легла прямо на голые кирпичи и накрылась ватным одеялом. Согревшись, видимо, уснула. Так судьба в первый раз, послав испытание, сохранила ей жизнь. Во второй раз русской печкой не обошлось. Вера училась в шестом классе семилетней Городецкой школы, каждый день за 2 километра из дома в Сосновке ходила пешком в школу. Тяжело было идти зимой по снегу в валенках и в хорошую погоду, но особенно страшно, когда

метель и ветер чуть с ног не сбивали на дороге. Пурга началась неожиданно, когда они с одноклассником Витей перешли овраг, отделявший Городецкое от Сосновки, и вышли в поле. Уже были смутно видны крайние избы Сосновки, но вскоре сильно потемнело, ветер усилился и почти сбивал их с ног. Злой ветер забирался и под Верино пальтишко, из которого она уже выросла, в валенки тоже набился снег, сил почти не оставалось… Витя крепко ухватил её за руку, и какое-то время они ещё шли, как думали, к домам. Наткнувшись на какую-то стену, обессиленные, они присели у этой стены, и всё…

Очнулась Вера в больничной палате в Игнатовке. На соседней кровати лежал Витька и смотрел на неё испуганными глазами. На них были какие-то балахоны почти до пят, неприятно пахло лекарствами, на щеках Витьки темнели пятна обморожения. Обрадованная тётенька в белом халате принесла и поставила на тумбочку суп, поправила одеяло, причитая и охая, рассказала, что они заплутали в буран и вышли к конюшне. Наткнулся на них, уже почти полностью занесённых снегом, конюх с собакой, которая залаяла и стала лапами разгребать снег. В сознание они пришли через сутки, врачи боялись, что не выживут. Ангел-хранитель не бросил Веру и опять сказал: «Живи, девочка!» И она выжила, переболела крупозным воспалением лёгких, чудом поправилась и в 1962 году успешно закончила сельскую семилетку, незаметно как-то превратившись в высокую стройную девушку с косой до пояса и серьёзными

серо-зелёными глазами матери, но при всём этом очень похожей на отца. Статью и характером она была похожа на бабушку Машу, которая в самые тяжёлые времена была рядом с ними, и её скупые рассказы о своей жизни глубоко запали в сердце Веры.

ГЛАВА 5. БАБУШКА МАША

Мария проснулась рано утром от детского плача, плакал самый слабенький из троих детей — Валентин. Ребёнок плакал от голода, в доме не было ни крошки хлеба. В избе прохладно, печь за ночь остыла, а поздняя осень была дождливой и беспросветно серой. Муж Павел уже больше недели не был дома, мотаясь по хуторам с обозом и отбирая у крестьян зерно для голодающего Поволжья. Он был очень страшным этот голодный 1930 год. Муж вырывался домой на сутки — самое большее, привозил немудрёную снедь: муку, пшено, сушёную рыбу и молоко в большой бутылке. Но доходила вторая неделя, а его всё не было.

Перед глазами Марии снова, как в страшном сне, ясно встала картина её спасения и знакомства с Павлом. Это был 1922 год, вроде бы завершилась страшная Гражданская война, начался период мирного строительства, в стране была введена новая экономическая политика (НЭП), направленная на восстановление экономики и стимуляцию частной инициативы. Интеллигенция, считавшаяся неблагонадёжной, массово высылалась или уезжала самостоятельно за границу. Их семья по инициативе матери тоже готовилась из Москвы уезжать во Францию, но сопротивлялись пока этому отец, донской казак, и двое старших братьев Маши. Их

семья считалась зажиточной, мать была родом из купеческого сословия и в своё время получила неплохое домашнее образование. В этот вечер Маша задержалась на литературном вечере, где выступал модный и скандальный поэт Владимир Маяковский. Ей понятнее и ближе были стихи Сергея Есенина, некоторые из них она запомнила и могла прочитать наизусть. Быстрой походкой, иногда даже переходя на лёгкий бег, она пробиралась между тёмными и опасными домами и подворотнями. Но до её дома было ещё далеко. Вот тогда-то они словно выросли из темноты деревянных ворот перед Машей, эти двое гнусно ухмылявшихся полупьяных парней.

Она попыталась перебежать на другую сторону улицы, но один из них ловко ухватил её за косу и сильно дёрнул к себе. Было так больно, что потемнело в глазах, казалось, что коса оторвалась от головы. Маша хотела закричать, но из горла от страха вырвался только сиплый хрип. Наслаждаясь беспомощностью жертвы, бандит приблизил свою красную пьяную рожу к её лицу и, обдавая запахом стойкого перегара и вонючего рта, спросил: «Развлечёмся, барышня, ишь какая чистенькая да сдобная? У меня такой ещё не было». Не выпуская из рук её косу, резко и сильно потащил Машу в подворотню. Вот в этот момент она завопила изо всех сил и стала колотить его, куда могла попасть своими кулачками. Второй был так пьян, что просто стоял, привалившись к дверце ворот. «Всё, изнасилуют и убьют», — обречённо билась в голове

страшная догадка, колени подогнулись, бандиту пришлось почти волоком попытаться втащить её в тёмную подворотню…

«А ну, стоять! Стреляю без предупреждения, отпусти, сволочь, девушку!» — это был конный патруль. Сквозь застилавшие глаза слёзы боли и отчаяния и конь, и всадник с наганом в руке казались Маше огромными, словно из сказки про богатырей. Потом, с трудом шагая рядом с конём и намертво вцепившись в стремя патрульного, она назвала свой адрес и жалобно попросила не бросать её. Павел, а это и был будущий муж и отец её пятерых детей, с какой-то щемящей нежностью смотрел сверху на её беззащитную девчоночью шейку в грубо разорванном вороте платьица, на тонкую ниточку ровного пробора в тёмных густых волосах растрепавшейся косы. Она шла, низко опустив голову, что-то шептала со всхлипом, замолкала, затем снова шептала и тихо обиженно плакала. У ворот её дома он спешился, с трудом мягко разжал её пальцы, вцепившиеся в стремя коня, и посмотрел в заплаканное, чуть припухшее от слёз лицо. «Какая красивая!» — ошеломлённо подумал, любуясь огромными карими глазами со слипшимися от слёз длинными тёмными ресницами.

— Я загляну завтра, у меня дежурство в этом квартале, здесь особенно эта мразь распоясалась, облаву надо провести. Меня Павел зовут, а тебя?

— Маша, Мария Николаевна Никифорова, — дрожащим голосом она даже свою фамилию и отчество назвала.

Девушка впервые посмотрела на него, словно запоминая своего спасителя и защитника. Высокий, в чёрной командирской кожанке, с кобурой на боку, кожаной же с красной звездой фуражке, из-под которой выбивались пряди тёмно-русых волос, он смотрел на Машу с такой нежностью и теплотой, что она совсем перестала дрожать и даже благодарно улыбнулась ему, став особенно милой.

Ни в какую Францию они не поехали, Павел стал бывать у них в гостях, братья поступили по его рекомендации на службу, через месяц Маша стала его любимой и любящей женой, и куда бы его ни направляла революция, она была рядом всегда. Мария любила своего Павлушу негромкой, но глубокой любовью, как умеют любить настоящие казачки с Дона. Комиссар Красной армии, идейный большевик, он был предан революции без остатка. Разрываясь между борьбой с кулаками за советскую власть и страхом потерять семью, красавицу Марию и детей, он постепенно так ожесточился душой, что уже не чувствовал боли, когда по его приказу выбрасывали на снег и грязь полураздетых женщин и детей из раскулаченных хуторов. Прижимая сынишку к груди, Мария беззвучно заплакала, представляя самое страшное: а вдруг не вернётся Павлуша, ранят, убьют враги за своё кровное в этой беспощадной борьбе. А она с детьми тоже умрёт

от голода. Мария не была идейным борцом за великие идеалы революции, как муж, но она была просто настоящей матерью и любящей женщиной. Положив уснувшего ребёнка старшей шестилетней дочке под одеяло, Мария решительно надела ещё две нижних юбки, накинула шубейку и платок и вышла на крыльцо. Их изба приткнулась на краю небольшого хутора, почти рядом было уже убранное поле, но что там оставались колоски, Мария знала.

Несмотря на жёсткие запреты, с соседних изб туда прокрадывались люди и собирали зерно из колосков. Пригибаясь в туманной серой мгле, она быстро добежала до поля. Тело сотрясала мелкая дрожь, ей казалось, что кто-то наблюдает, как она ворует зерно. Мария завязывала протёртое в ладонях зерно из колосков в края нижней юбки на узелки. Она торопилась, ей было страшно, вдруг кто увидит жену комиссара и донесёт. Придерживая нижние юбки руками, Мария добежала до крыльца и, опустив подол, не заметила, что один из узелков развязался и зерно из него упало на ступени крыльца. Бросив приготовленные поленья в печку, она в чугунке распарила зёрна пшеницы в кашу и, когда дети проснулись, накормила их. Успокоившись, что дети опять уснули, Мария подошла к маленькому настенному зеркалу. Красивое лицо с тёплыми карими глазами, густые тёмные волосы, короной лежащие на голове, статная фигура и осанка — всё осталось при ней, несмотря на частые тяжёлые роды и смерть одного из новорождённых. «Какое страшное

и беспощадное время! Но человек живёт в том времени, в котором родился, и другого времени, а значит, и другой жизни, у него не будет», — горько подумала Мария и прилегла рядом с детьми.

Она не слышала, как прискакал на коне Павел, и вскочила с лежанки, увидев его в дверях с перекошенным от ярости лицом: «Под расстрел хочешь подвести меня, себя и детей, дура!» — сипло выкрикнул он и схватил висевшие на крюке вожжи. Павел опомнился только тогда, когда увидел, что жена затихла и больше не стонет от боли. Подняв её с пола, бережно положил на лежанку и плеснул в лицо водой. Мария открыла глаза: из тёмного и липкого тумана проступило дрожащее лицо мужа. Дрожали губы и заросшие щетиной впалые щёки, прилипшие ко лбу мокрые от пота волосы делали его лицо чужим. «Прости, родная», — прошептал он в открывшиеся, наполненные мукой глаза жены. Больше никогда Павел не поднял на Марию руку и не сказал грубого слова за ту короткую его жизнь, в которой за десять последних лет он сгорел на лету, перетянутый командирскими ремнями. У них ещё родились дочь и сын, но как они выросли и кем стали, он уже не увидел. Ранней весной 1941 года он вышел на крыльцо покурить. Полностью седой, с ввалившимися щеками, сильно исхудавший, он был всё-таки красив последней мужской красотой. Мария постояла, прижавшись к его плечу головой, и хотела уже пойти к детям, где залился громким плачем самый маленький Юрик. Господь, наверное, помиловал не верящего ни во что, кроме советской власти и идеалов революции её мужа, подарив ему

мгновенную смерть в доме среди любящей его семьи. В памяти Марии навсегда осталось это воспоминание: Павел, вдруг захрипев, вскрикнул и замертво упал на ступени, на которые она когда-то в голодомор нечаянно рассыпала зёрнышки из колосков. Мария долго сидела на ступеньках, положив голову мёртвого мужа к себе на колени, и, прижавшись мокрой от слёз горячей щекой к холодеющему лицу Павла, горячечно шептала, как сильно она его любит, что им делать и как теперь жить без него…

Она осталась навсегда ему верной женой, в войну была эвакуирована с детьми в Грузию, о которой потом не хотела даже вспоминать. Хозяин дома за кусок лепёшки для детей хотел купить любовь красивой казачки, а встретив отпор, заставил батрачить её вместе с детьми. В большом саду на их глазах он сваливал падалицу фруктов в глубокий овраг, не разрешая брать даже это гнильё ей и детям. Грузия навсегда для неё осталась недоброй страной, с лицом их ненавистного хозяина, хотя Мария и понимала, что в любой нации есть хорошие и плохие люди. Бабушка своими воспоминаниями вкладывала в свою внучку веру в то, что человек может всё, что доброта, любовь и верность — это вечные ценности. Она называла Веруньку ласково «доча», а когда та жаловалась, что устала вставать каждый день в пять утра, чтобы выгнать за село корову и овец в стадо, бабушка клала тёплую руку на её голову и тихонько говорила нараспев: «Терпи, доча, маму пожалей. Она, почитай, тоже кажный день

с сумкой и тетрадками за два километра в свою школу ходит». Иногда родители ссорились, мать часто ревновала отца, они кричали громко и зло друг на друга, бабушка говорила вдруг сразу осевшим голосом: «Ну что вы крычите (именно так — крычите), нельзя так крычать, сила из души уходит…» Она никогда не говорила о своей вере в Бога, но Веруньку тайком окрестила у попа в соседней деревне. Именно бабушка Мария выходила её после крупозного воспаления лёгких, любила смышлёную и трудолюбивую девочку своей нерастраченной нежностью и заботой.

Вере нравилось в своей бабуле абсолютно всё: она любовалась, как та бережно закалывала свои тёмные с сединой густые волосы в тяжёлый узел; с какой горделивой природной осанкой расправляла на высокой груди оборочки тёмно-синей кофты в мелкий цветочек. Она носила только длинные юбки и туфли без каблуков. День Великой Победы Мария встретила на берегах великой Волги, куда из Грузии её с детьми вывез брат, ставший большим начальником и живший в Москве где-то рядом с Кремлём. Дети выросли. Она жила с сыном, офицером в прошлом, у которого распалась семья, он нашёл утешение в бутылке, и она его очень жалела. Права народная мудрость, что добро обязательно возвращается к тому, кто делает добро. Именно Вера, которая так любила слушать скупые рассказы бабушки Маши о её жизни, будучи уже студенткой 1 курса пединститута, как-то спросила: «Бабуля,

а какая у тебя пенсия, почему ты даже молоко не можешь каждый день покупать?» Узнав, что бабушка Маша вообще не получает пенсию, потому что нигде официально не числилась на работе, а в колхозе только палочки ставили да зерна немного давали, Вера решила восстановить справедливость. Как комсомольский вожак, отличница с фотографией на Доске почёта, член институтской сборной по волейболу написала письмо в Москву Председателю Совета Министров СССР Косыгину А. Н. Нашла адрес в газете «Правда» и со всей молодой горячностью и возмущением спросила в письме: «Разве справедливо, что в такой великой стране, как Советский Союз, женщина — мать, родившая и воспитавшая пятерых замечательных детей, из которых один военный лётчик, а другой — офицер-танкист, не заслужила от государства пенсию на старости лет?»

Прошла неделя. Вера сидела в институтском скверике и готовилась к экзамену, но всё время отвлекалась от конспектов по старославянскому языку то на цветущую рядом сирень, то на голубей, настырно выпрашивающих у неё остаток булки. «Вот она где, а мы все аудитории обегали, тебя срочно к ректору вызывают, ты что натворила?» — запыхавшись, выпалила подруга Женя. Не чувствуя за собой никакой вины, Вера спокойно вошла в приёмную, но дверь кабинета ректора открылась, и он сам появился на пороге. «А, Новичкова, зайди», — строго бросил он. Откинувшись в кресле,

ректор сквозь очки внимательно посмотрел на Веру и прямо спросил: «Письмо Косыгину писала?» «Писала, по бабушкиной пенсии», — сбивчиво начала объяснять Вера. Ректор взял со стола конверт с красной полосой и, вдруг тепло улыбнувшись, зачитал своей студентке ответ от Косыгина. В письме была благодарность не только ей за правильную гражданскую позицию, но и ректору за хорошую профессиональную подготовку именно таких неравнодушных будущих учителей. Пенсию бабушке назначили, ни она, ни мама Веры не знали про письмо, поэтому самой большой благодарностью для Веры стала радость и гордость её любимой бабули за внучку, когда она потом через некоторое время ей об этом рассказала. Бабушка Маша проживёт долгую и трудную жизнь, никогда не жалуясь ни на бога, ни на власть. Она всегда говорила, что самое страшное — это война и предательство. Почти шёпотом как-то рассказала Вере, что самый страшный сон в её жизни, когда белозубый немецкий лётчик в украинской степи целился в её детей из пулемёта, но, слава Богу, стрелять не стал. Бабушка рассказывала об этом, сразу будто потемнев лицом и едва сдерживая слёзы.

В начале июня 1941 года после смерти мужа она приняла решение уехать из хутора. Здесь её больше ничего не держало, кроме могилы мужа Павлуши, идейного большевика и комиссара. Возвращались выселенные ранее раскулаченные семьи, и Мария не раз ловила их злые взгляды в свою сторону.

Обстановка была тревожная, шептались о скорой войне, что Гитлер может напасть и Советам конец. Старшей дочери Нине исполнилось 16 лет, рослая и красивая дивчина дважды была предметом драк между парубками на хуторе. Было просто страшно за судьбу пятерых детей. Собрав небогатое имущество в узлы, Мария решительно запрягла вороного жеребца в телегу с высокими бортами из деревянных реек и, мысленно попросив у Бога благословения, тронулась в путь на Волгу, где жил её второй брат с семьёй. Они ехали долго и не добрались до брата, потому что началась война. И вот однажды ранним солнечным утром они ехали по степи, вдалеке чернел лес. Мария не знала местности, правила лошадью наугад, стремясь попасть под защиту деревьев, вдруг надо будет укрыться. И они не успели…

В таком мирном и чистом небе ещё минуту назад вдруг появился вдалеке самолёт. Это был разведчик, в народе его называли рама, и он с гулом пронёсся над их повозкой. Лошадь понесла, Мария, еле удерживая в руках вожжи, повернула голову к детям. Нина прижала всех, закрывая собой. Немецкий лётчик, развернувшись, снова очень низко пролетал над ними и как будто нажимал на рукоятку пулемёта. «Только бы сразу всех нас убил», — обречённо подумала Мария, перед её глазами то ли в бреду, то ли наяву был белозубый оскал молодого немецкого лётчика. Ему было весело в этот чудесный летний день хозяйничать в чужом небе и безнаказанно, если